

Таким образом, конфликтный сценарий, априорно задаваемый цивилизационной парадигмой, мешает России эффективно отстаивать свои национальные интересы в режиме нормального политического торга, частью которого является привычная риторика Запада о правах человека, демократии, свободе и т.д. Цивилизационные ответы в духе «умом Россию не понять» действительно все еще популярны во внутренней повестке дня, но оборачиваются провалом во внешней политике. Поскольку эффективное участие России (как и любой другой страны) в международных структурах предполагает отказ от исключительности, которая автоматически обуславливает политическую периферийность и маргинальность, в пользу всеобщности, готовности разговаривать со всеми субъектами реальной политики без сверхдержавных и цивилизационных комплексов. Необходимо предлагать не цивилизационные, а общечеловеческие сценарии и решения проблем, которые могли бы устроить все заинтересованные стороны¹. Например, российский способ решения ядерной проблемы Ирана является одним из подобных оптимальных сценариев.

В установочной статье «Мы и Запад» Ю. Лужков пишет: «Всякий разумный человек не может не признавать, что Россия — ведущая держава евроазиатского пространства... Россия объективно становится мостом между разными мировыми цивилизациями»². Но Россия — не Цивилизация. Не Евразия. Не Запад. Не Восток. Не Юг. Не Север. И уж конечно, не промежуточный мост между ними. Все эти географические метафоры лишь уводят от сути проблем, либо предлагают их архаические трактовки, игнорируя тот простой факт, что человечество в пределах капиталистической миросистемы представляет собой все более единое целое, а Россия, движимая логикой обид, собственной уникальности, комплексами величия или недооцененности, обречена находиться на ее периферии.

3. Политические дискурсы «периферийной империи»

В экономике стран, находящихся на периферии миросистемы, происходят те же процессы, что и в центральных, но с поправкой на периферийную специфику³. Если взять этот тезис в качестве исходного

¹ См.: *Мартыанов В.С.* Россия в меняющемся мире // Свободная мысль. 2007. № 6 (1577). С. 7–22.

² *Лужков Ю.* Мы и Запад // Российская газета. 15 июня 2006 г.

³ См.: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. С. 261; см. также: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2005.

и расширить его на сферу политических дискурсов, то это позволяет по-иному взглянуть на историю отечественной политической мысли XIX–XX вв.

Однако затруднительно вывести специфику политических дискурсов России непосредственно из ее положения в миросистеме, особенно учитывая то, что в каждую конкретную эпоху это положение было различным. Здесь вряд ли было бы уместным редуционистское объяснение в духе «вульгарного марксизма».

Вопрос заключается в том, *каким образом* политические дискурсы определяются положением страны в миросистеме? Это вопрос того же порядка, что и вопрос о возникновении «буржуазной идеологии» (как условия «культурной гегемонии», в терминологии А. Грамши) из «буржуазного образа жизни». Ответы на такие вопросы возможны только после выявления рамок «нарратива культурной трансформации», подобного, например, нарративу культурной трансформации концепции Модерна, одной стороной которой является марксистский, а другой — веберовский анализ процессов секуляризации и рационализации становящихся буржуазными обществ¹. В конечном счете, и марксистский, и веберовский анализ апеллируют к определенным экзистенциальным и далеко не всегда полностью осозанным переживаниям индивидов и групп («крах святынь», «расколдовывание мира», «ледяная вода эгоистического расчета»). Эти переживания — следствие изменившегося мироощущения, которое дает толчок к рационализации и трансформации мировоззрения. Таким образом возникают идеологии эпохи Модерна.

Мы можем предположить, что нахождение на периферии миросистемы порождает у рефлексирующих над судьбами своей страны индивидов ощущение, что происходящие вокруг процессы каким-то таинственным образом определяются не внутренними потребностями общества, а какими-то иными силами извне. На индивидуальном уровне — это ощущение того, что ты «не хозяин собственной жизни», а на уровне страны: «мы не определяем собственную историю». Условно подобное переживание можно назвать переживанием «неполной субъектности». Из этой экзистенциальной ситуации вытекает и специфика отечественных политических дискурсов. Практически всегда им можно найти аналоги на Западе, но они отличаются от последних настолько же, насколько западные экономические и политические институты и практики отличаются от отечественных.

Переживание неполной субъектности не может полностью отражать реальную ситуацию «периферийной империи». Актов проявле-

¹ См.: *Thompson John B.* Ideology and modern culture. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 77.

ния государственной, индивидуальной, корпоративной воли, примеров огромного влияния на судьбы других народов в российской истории более чем достаточно. Это не позволяет считать Россию исключительно объектом. Но не получается и достижения полноценной субъектности, потому что какой-то таинственный рок постоянно мешает ей достичь той степени величия и реализации сил народа, к которой, как кажется, есть все предпосылки. Поэтому первый вопрос, порожденный ощущением неполной субъектности: почему так получается? Это вопрос о смысле истории вообще и конкретно о смысле русской истории.

В силу известных исторических обстоятельств, для получения ответа на такого рода вопросы привлекаются историсофские, политические, экономические и прочие концепции, заимствованные у «полноценных субъектов» из стран центра миросистемы. Как выразился Ф. Гиренок о П. Чаадаеве, «неполный субъект» попадает в «самовозобновляемый круг сознания, которое никогда не совпадет с тобой. Кто-то всегда думает за тебя. А есть кто-то, за кого думаешь ты. Никто не думает сам. Везде другой»¹. Так как нет самосознания, то нет и субъекта, который мог бы породить «идею», образующую «смысл истории» конкретно для России. Но история-то на самом деле есть! И Россия явно в ней играет не самую последнюю роль. Следовательно, несмотря на кажущуюся «неисторичность» России (ранний Чаадаев), нечто могущественное движет русской историей к какой-то цели. И эта цель не может не быть великой, поскольку велик народ, пусть пока и неосознанно, но движущийся к ней. Следовательно, у России есть миссия (поздний Чаадаев).

Иными словами, это все то же признание в том, что Россия живет «не для себя», не является полноценным субъектом. Но это — позитивная интерпретация неполной субъектности.

Таким образом рождается специфическая для российских политических дискурсов тройственная проблематика: национально-культурной идентичности, «отсталости» и исторического субъекта.

Ключевая проблема всех российских аналогов западных идеологий — это проблема «отсталости». Поэтому любая версия русской истории должна ответить на вопрос о причинах отсталости. «Периферийность» России стала истоком главной антиномии русской политической мысли: «мы такие же, как все» / «мы не такие, как все». Эту антиномию нельзя решить теоретически в силу того, что повседневность противоречивого существования «периферийной империи» давала убедительные аргументы в пользу обеих точек зрения. Помимо всего прочего именно

¹ Гиренок Ф. Патология русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998. С. 27.

тогда, когда вопрос впервые был поставлен теоретически, русская общественная мысль находилась под влиянием Просвещения и немецкой классической философии, прежде всего гегельянства и шеллингианства с их историцизмом. Просвещение заставляло искать в истории некую «истину вещей», то есть задаваться вопросом об идентичности России в парадигме оппозиций «Восток—Запад», «просвещение—варварство» и т.д. Германский историцизм побуждал задумываться о смысле мировой истории и конкретно о месте в ней России.

В ракурсе такой проблематики интерпретация истории приобретает для России огромное значение. Именно в истории пытаются обнаружить причины отсталости, усматриваемые, например, в катастрофическом для Киевской Руси монголо-татарском нашествии. В ней же пытаются обнаружить субъект, управляющий русской историей или способный изменить ее русло. В качестве последнего, в зависимости от политических симпатий, выступают государство, критически мыслящая интеллигенция, народ, рабочий класс, законы исторического развития (начиная от различных теорий национально-культурных типов и заканчивая марксизмом), имперская нация, агенты всевозможных заговоров и т.д.

Такая ситуация породила западничество и славянофильство, которые к тому же в определенном смысле являлись реакцией на неудачную попытку декабристов вырвать Россию из миросистемы. То, что именно в России появляется вариант цивилизационной парадигмы в истории (Н. Данилевский) — также не случайно. Проблематика культурно-цивилизационной идентичности — естественное продолжение проблематики извечной «отсталости», осмысленной уже в ходе нарастающего скепсиса по поводу историцизма. Это стало очередной попыткой «оправдания» русской истории.

Народничество пыталось превратить «отсталость» в преимущество. Переход России к социализму более непосредственным путем, чем на Западе, тоже должен был «оправдать» русскую историю. Разорение общины самодержавием и капитализмом необходимо остановить как можно скорее, иначе можно не успеть реализовать свой шанс на социализм. Это была картина народа-объекта, чья жизнь до сих пор определялась извне — капитализмом, самодержавием, революционной интеллигенцией. Однако тут уже присутствует понимание, что требуется изменить весь мир, чтобы изменилась Россия (а социализм — это и есть справедливое изменение всего мира).

Другая попытка оправдания и объяснения «отсталости» России была предпринята социал-демократами, которые не случайно так яростно настаивали на том, что Россия — такая же страна, как и прочие, и что у нее нет особого пути. То, что сам Маркс далеко не так од-

нозначно высказывался о специфике России, ее крестьянской общине и коллективной собственности, по большому счету в мировоззрении российских марксистов ничего не изменило. (История с письмом Маркса Вере Засулич широко известна¹.) Однако большевистская версия марксизма исходила как раз из того, что необходимо изменить всю миросистему.

Диссиденты советского периода, как и их дореволюционные предшественники, начинали с изложения альтернативной версии истории, в чем им наследовали демократы, коммунисты и патриоты постперестроечного периода.

Следует отметить, что какова бы ни была интеллектуальная мода, на практике победу всегда одерживали модернизаторы, считающие, что по большому счету «мы такие же, как все, только отсталые». История династии Романовых, равно как история революции и СССР — это история таких побед. Этим победам способствовала сама включенность России в миросистему, из которой она почти никогда не могла вырваться, но могла изменить свое положение в ней. И в то же время всегда имело место влиятельное представление о том, что Россия в принципе может обойтись и без включенности в миросистему — в силу ее огромной и разнообразной территории, большого населения, природных богатств, истинной веры или идеологии, научно-технического потенциала и т.д. Квинтэссенцией такого представления было мнение о том, что Россия может создать свой «мир-экономику» (вариант — «империю-экономику»). И действительно, опыт СССР позволяет говорить, что это мнение не совсем безосновательно.

Показательно, что проблематика национально-культурной идентичности, «отсталости» и исторического субъекта с самого начала (то есть с возникновения западничества и славянофильства) создает интеллектуальное поле, в котором история и политические дискурсы России приобретают отчетливую склонность к мифологизации. В основании такой мифологизации находится проблематика факторов, управляющих историей общества, отмеченного печатью «неполной субъектности». На роль таких факторов с «идеалистической» точки зрения как нельзя больше подходят метанаррации вроде христианских, просвещенческих, марксистских, либеральных и т.д. Они управляют историей России, как и историей всего прочего мира.

Однако с «реалистической» точки зрения метанаррации только прикрывают действия врагов, конкурентов и соперников. Как прави-

¹ *Маркс К.* Письмо В.И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 250–251; *Он же.* Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Там же. С. 400–421.

ло, этот враг действует через внутренних изменников, субъектов, способных услышать доносящийся извне голос метанарраций. Борьба с врагом — это прежде всего борьба с «внутренним голосом» (шизофреническая картина!), источник которого находится вовне. Это борьба против одного мифа посредством создания другого, путем приземления враждебного мифа уточняющими историческими фактами, путем переписывания истории вплоть до радикальных экспериментов в духе «новой хронологии».

Не случайно, что с точки зрения политического сознания элиты «периферийной империи» главное в публичной политике — это «национальная идея», «общие ценности» и приятная для массовых чувств символика. Большинство текущих проблем сводится к их поиску и разработке. Если не «Свобода, Равенство и Братство», то — «Православие, Самодержавие, Народность». Или «Держава, Родина, Коммунизм». Недовольные могут сетовать только на то, что в действительности никаких идей, общих ценностей и смыслов нет, а есть только прагматически используемая советская и имперская символика. Что уровень смыслов и целей полностью замещен уровнем политтехнологических средств¹. Но что такое потеря смысла и общих ценностей? Это возникшая сегодня ситуация не компенсированной никакой «идеей» неполной субъектности. Остается один голый факт «периферийности»: есть страна, торгующая сырьем и ввозящая технологии. К этому факту приходится прагматически приспособляться с помощью политических технологий. Имперская или советская символика здесь на своем месте: она играет психологически (но не «идейно»!) компенсирующую роль.

Точно так же, как периферийное положение нашей страны в целом определяло специфику политических дискурсов дореволюционной и советской России, оно же определяет и специфику констелляции современных отечественных политических дискурсов.

Достигнуть радикального изменения *своего* положения в миросистеме можно только осознав факт положения в этой миросистеме и попытавшись изменить *ее саму*. Поэтому все современные российские дискурсы в конечном счете различаются в зависимости от того, как они подходят к вопросу об изменении миросистемы.

Доминирующие российские политические дискурсы, аналогичные западным неолиберализму и неоконсерватизму, обходят вопрос о трансформации миросистемы. Политическим и экономическим элитам современной России, контролирующим нефте- и газопрово-

¹ См.: *Архангельский А.* Базовые ценности: инструкции по применению. СПб.: Амфора, 2006. С. 23–60.

ды, нет никакого смысла пытаться вырваться из привычного места в нынешней миросистеме, то есть развивать высокие технологии, вкладывать в науку, модернизировать инфраструктуру и т.д., к чему время от времени призывают экономисты вроде В. Иноземцева и М. Делягина. Для них наличное положение «нормально» и такова же используемая ими государственно-патриотическая и одновременно либеральная риторика¹.

Собственно говоря, «нормальность», которой должно обладать наше общество — это следствие традиционного положения России в международном разделении труда, которое в настоящий момент означает специализацию на поставках топлива и вооружений (и даже вновь начавшуюся торговлю зерном!). Сохранение такого положения невозможно без поддержания минимального порядка, без сохранения некоторых атрибутов сильного государства и великой державы. Это с точки зрения «центра миросистемы» только поощряется и вовсе не противоречит «здоровому смыслу» наших современных государственных и державников. Точно так же не противоречат «здоровому смыслу» и привычные дискурсы западничества и почвенничества, которые традиционно обходят вопрос о положении России в миросистеме, подменяя его риторикой национально-культурной идентичности, бесконечными обсуждениями темы «Восток–Запад» и т.д.

Не менее показательны, что *практически все типы политических дискурсов, оппонировавших официальному, так или иначе затрагивают вопрос о положении России в миросистеме и о путях выхода из нее.*

Так, книга о советской цивилизации С. Кара-Мурзы² — это попытка анализа социальных институтов и практик «периферийной империи», решившей вырваться из миросистемы и достигшей внушительных успехов в этом предприятии.

Случай А. Паршева³ еще более очевиден: он рассматривает как раз те объективные географические и климатические факторы, благодаря которым России так легко и «естественно» было стать периферийной страной и специализироваться на поставке сырья, а не на производстве товаров. Паршев же объясняет, почему мировые финансовые потоки текут вовсе не в нашу страну, а из нее — в центр миросистемы. Столь же логичен и тот вариант выхода из миросистемы, который предлагает Паршев — частичная автаркия, развитие наукоемких технологий, пост-

¹ См., например: Колесников А., Привалов А. Новая русская идеология: хроника политических мифов. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

² См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001.

³ См.: Паршев А.П. Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь. М.: «Крымский мост-9Д», 2000; Паршев А.П. Почему Америка наступает. М.: АСТ, Астрель, 2002.

роение собственного «мира-экономики», в которую с необходимостью войдут бывшие страны СЭВ и СССР.

Работы М. Калашникова, Ю. Крупнова¹, С. Валянского и Д. Калужного², Ю. Мухина³ — это проекты все того же выхода из миросистемы, основанного на радикальной, опережающей технологической и научной модернизации, которая позволит освободиться от проклятия традиционной сырьевой ориентации России.

Ряд политических проектов, обнаруживаемых в современной отечественной фантастике (обладая массовой аудиторией, она является «зеркалом» и художественным оформителем популярных идеологем и политических дискурсов), имеет сходную природу. Как только идеологическо-реваншистская тенденция в фантастике 1990-х начинает идти на убыль, появляются проекты радикального изменения миросистемы или, по крайней мере, проблема такого изменения начинает ставиться всерьез. Если исламские проекты Ю. Никитина («Ярость», «Империя зла») и В. Михайлова («Вариант И») — это призыв создать не более чем параллельную миросистему исламских государств с центральной ролью России, то уже у Р. Злотникова («Виват империя!», «Армагеддон») и А. Плеханова («Сверхдержава») мы находим картину преобразования прежней миросистемы в новую, где Россия занимает не периферийное, а центральное место благодаря не только военной мощи, но и доминированию в сфере науки и высоких технологий.

«Периферийность» России конвертируется в специфику политических дискурсов российского Постмодерна таким образом, что прагматическое стремление элит обустроиться в привычной сырьевой нише капиталистической миросистемы маскируется привычной риторикой западничества и почвенничества, затемняющей проблематику миросистемы. И столь же закономерно, что всякая попытка идеологического противостояния доминирующим политическим дискурсам связана с демифологизирующими усилиями в отношении тупиковой западническо-почвеннической риторики, с осмыслением места России в миросистеме и поиском путей ее трансформации.

¹ См.: *Калашников М.* Вперед, в СССР-2. М.: АСТ, 2003; *Калашников М., Крупнов Ю.* Гнев орка. М.: АСТ, 2003; *Они же.* Оседлай молнию. М.: АСТ, 2003; *Крупнов Ю.* Статья мировой державой. М.: Эксмо, 2003.

² См.: *Валянский С.И., Калужный Д.В.* Третий путь цивилизации, или Спасет ли Россия мир? М.: Алгоритм, 2002.

³ См.: *Мухин Ю.И.* За державу обидно! М.: Яуза, 2004; *Он же.* Россия. Еще не вечер. М.: Яуза, Эксмо, 2003.